

## О ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЕДИНИЦАХ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

**Надя Чернева**

*Пловдивский университет им. "Паисия Хилендарского"*

**Резюме.** Статья посвящена анализу структуры „прецедентности” русских сказок (народных и авторских, в том числе „бродячих сюжетов”) и описанию особенностей функционирования сказочных прецедентных единиц в качестве этнокультурных эмблем в современном коммуникативном пространстве русскоязычного лингвокультурного сообщества. Особое внимание уделено возможностям их включения в практику преподавания русского языка как иностранного и их роли в достижении не только лингвистической и социокультурной, но и межкультурной компетентности филологов-русистов. Предлагается каталог прецедентных имен с источником происхождения „Русская сказка” с акцентом на рефрейминге этих единиц в новой тексто-дискурсной форме.

*Keywords:* precedents, representative cultural emblems, reinterpretation, education, intercultural competence, teaching Russian as a foreign language

Исходным пунктом исследования послужило мнение о том, что сказочные тексты являются фундаментальными константами национального менталитета и национальной культуры любого лингвокультурного сообщества. Являясь материальным воплощением знаний, мыслей, традиций, обычаев, примет, представлений, сказочный текст передает особенности национального характера, будучи единственным способом его наивной экспликации.

В последнее время учебники по РКИ включают больше произведений устного народного творчества, в т. ч. и русские народные волшебные сказки, в связи с чем методически актуальным становится вопрос отбора наиболее представительных текстов, насыщенных этнокультурными эмблемами и употребляемых в настоящее время в текстах различных жанров, описание лингвокогнитивных процессов, сопровождающих понимание таких текстов, а также особенности включения их в практику преподавания РКИ.

Нам представляется важным, что иностранцу необходимо уметь выделять наиболее важные, концептуально значимые смысловые блоки русской сказки, для чего не надо только уметь осмысливать языковые выражения, но и владеть экстралингвистической ситуацией.

Последние годы отмечены обостренным вниманием лингвистов к поиску рационального подхода к слову не только как к единице описания и усвоения языка,

но и как к единице обучения для обеспечения взаимопонимания и взаимодействия в диалоге культур. Предложено несколько терминов для обозначения этого явления: концепт у Ю. С. Степанова, В. Н. Телии; лингвокультурема у В. В. Воробьева; национальный социо-культурный стереотип у Ю. Е. Прохорова; логоэпистема у В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой.

Под прецедентными единицами (ПЕ) понимаем единицы культурного знания - символы, сигналы, знаки этнокультурных артефактов и устойчивых стереотипов, являющихся этнокультурными эмблемами. Эмблематическими могут быть тексты, имена, выражения, ситуации. Традиционно в научных исследованиях употребляются термины прецедентные тексты (ПТ), прецедентные имена (ПИ), прецедентные выражения/высказывания, прецедентные ситуации (ПС) (Карлулов, Красных, Захаренко, Гудков и др.). Прецедентные единицы русской сказки как единицы культурного знания входят в коммуникативное пространство каждого носителя русского языка.

Значение прецедентных единиц – этнокультурных эмблем освящено социально-исторически. Важнейшими источниками, в которых формируется их семантический потенциал, являются: фольклор и народно-поэтические образы; общеевропейские античные и христианские (библейские) выражения; тексты фильмов, рекламы, анекдотов; лозунги, призывы; социально-исторические мифы.

Прецедентные тексты, по их мнению многих исследователей, составляют костяк фоновых знаний человека. Они десятилетиями служат основой обучения, аккультурации ребенка. Прецедентное выражение может быть связано с исходным текстом только по смыслу, структурно, будучи автосемантическим. За каждым крылатым словом (выражением), если проследить их происхождение, обнаруживается текст или ситуация.

Прецедентные выражения в структуре исходного текста являются: 1) заголовком (названием); 2) инициальным предложением фрагмента, абзаца, текста; 3) конечным произведением текста, которое аккумулирует семантику этого текста, свертываясь до сильной позиции. („Скажи-ка, дядя ...” – начало стихотворения; „И я там был, мед-пиво пил” - конец сказок; „Чем меньше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей” - А. С. Пушкин). Этот процесс свертывания Костомаров и Бурвикова назвали „текстовой реминисценцией”. За прецедентной фразой стоит смысл, который не всегда выводится из суммы смыслов составляющих ее слов. Они называют логоэпистемы символами стоящего за ними содержания, сигналами, заставляющими вспомнить определенное фоновое знание, опирающееся на некоторый текст. Сама же логоэпистема представляется ими эмблемой, сверткой символики текста в лингвокультурном аспекте (Костомаров, Бурвикова, 2001:34).

Прецедентные единицы играют существенную роль в нормальном общении людей, в структуризации новых текстов, особенно в публицистике и художественных произведениях, так как они способны сжато, образно, ярко выразить какое-то

значение, мнение, причем не прямо, а отсылая к общему культурному знанию, свойственному данному народу.

Селиванова С. И. отмечает, что текст волшебной сказки отличается от прочих художественных текстов необычайно высокой степенью когерентности и программируемости, что обусловлено наличием важнейших конститuentов, характеризующих устное народное творчество: инвариантность композиционной структуры, знаковость персонажей и формульность волшебных сказок (банком языковых клише).

Без присутствия прецедентных единиц сказка – не сказка. Сказочные ПЕ могут быть:

I. номинации

1) имена собственные главных героев, причем количество героев ограничено: Иван-Царевич, Иванушка-Дурачок, Марья Моревна, Василиса Премудрая (олицетворение добра), братья главного героя, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Баба Яга (олицетворение зла);

2) имена второстепенных персонажей – людей (Объедало, Опивало), демонов (Леший, Водяной), чудесных помощников (людей, волшебных предметов и животных) (добрая старушка, шапка-невидимка, ковчег-самолет, конь, лягушка, волк и т. д.);

3) номинации сказочных локусов – тридевятое царство, избушка на курьих ножках, терем-теремок, царские палаты;

4) обращения: батюшка, матушка, сынки, дитятко, сестрица, братец, старая ведьма, добрый молодец

II. устойчивые выражения: постоянные эпитеты (неизменно поля чистые, леса темные, реки быстрые, лук тугой, терем высокий, палаты белокаменные, вода студеная, столы дубовые, скатерти браные); объекты внешнего мира: красна девушка, бела лебедушка – символ невесты, добр молодец – символ жениха. Характерно употребление большого количества диминутивов: ранехонько, жалобнехонько, Аленушка, Иванушка, лисичка-сестричка, волчок –серый хвосток.

III. сентенции:

1) сказочные зачины: В некотором царстве, в некотором государстве; За тридевять земель, в тридевятое царство; Жили-были;

2) сказочные концовки: Стали жить-поживать да добра наживать / лиха не поминать; Стали жить да быть, и теперь живут; Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец; И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало и др.;

3) особые формулы описания: Ни в сказке сказать, ни пером описать; формулы повеления: Избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом!; реплики по ходу действия: Скоро сказка сказывается, да не скоро делается; Шел он близко ли, далеко ли, коротко ли и др.

Чаще всего этноэмблемами становятся инициальные предложения фрагмента, абзаца, текста и конечные предложения текста, либо его название (заголовок).

Использование сказочных эмблем за пределами сказки опирается на рефрейминг – трансформацию некоторого фрейма при сохранении его инварианта.

Любой фрейм несет в себя возможности преобразования, поскольку, являясь структурой представления знаний и опираясь на некоторые содержательные компоненты, фрейм может претерпевать различные преобразования своей поверхностной структурой в том случае, когда происходят изменения в предпочтениях относительно этих внутренних компонентов. В современном дискурсе эти логотипы получают комическую окраску - во всем диапазоне комизма – от доброго юмора до сарказма и иронии.

Подобное преобразование фрейма с формальной и содержательной стороны называется рефреймингом. Сама внутренняя форма этого термина указывает на процессуальный характер этого явления. Рефрейминг происходит как переход некоторых стереотипов, клише, устойчивостей от одного типа текста – дискурса русской народной сказки – к совершенно иной текстово-дискурсной форме (в языке СМИ, рекламы или разговорной речи).

Герои и ситуации классических сказок входят и в речь людей. Про маленького толстенького мальчика русский скажет: „Ну прямо колобок!"; резной деревянный дом назовет „теремком"; худого старого мужчину „Кощею Бессмертным". Нетрудно привести примеры современных обращений к сюжету, героям, ситуациям и предметам русской сказки (Особенности национальной любви – мы лягушек не едим, мы на них женимся. МК, 1996; Съёмки происходили недалеко от станции Кузнечная. ... Мы в общем неплохо жили – свежий воздух, теремки замечательные. МК-Бульвар 2001; И я, как Снегурочка, влюбилась в первого встречного. Не знала, сколько ему лет, не знала, кто он, где живет, - ничего не знала. МК, 2001; Ремонт в вашей квартире: будем строить как Наф-Наф, прочно и красиво. Центр-плюс, 1996), Утро вечера мудренее; Остаться у разбитого корыта, Мимо острова Буяна, В царство славного Салтана ...(при рассказе историй); Кабы я была царица ...; Не в свои сани не садися).

Сказка - это история, в которой происходят чудеса. О необычном и волшебном можно узнать также из мифов и легенд. Если мифы – сказания о богах, героях, духах, а легенды – рассказы о чудесном, воспринимаемые как достоверные, то сказки – это рассказы о заведомо невозможном.

Сказочники выражали мудрость своего народа, его стремления и мечты. У разных народов есть сказки, в которых можно найти много общего, но персонажи этих сказок у разных народов ведут себя по-разному, потому что сказки воссоздают народные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, воспроизводя на свой лад представления об уме, находчивости, целесообразности, хитрости, отваге, трусости. То, в какой форме и в каких образах передаются эти представления, не всегда понятно иностранцам.

У каждого народа есть набор сказок, которые передаются из поколения в поколение. Их знают практически все люди, говорящие на данном языке. Иллюстрации к этим сказкам также входят в культурное знание людей – именно по классическим иллюстрациям к классическим сказкам носители одного языка знают,

как выглядят сказочные герои, которых даже и не существует в реальности. Все русские примерно одинаково представляют Бабу-Ягу и Кощея Бессмертного, Лешего и Водяного. Их образ может быть связан и с фильмами по классическим сказкам – художественными и мультипликационными, которые тоже являются культурным знанием, передающимся каждому новому поколению.

В связи с решением вопроса методических приемов обучения иностранцев прецедентным единицам кажется целесообразным представление каталога прецедентных имен-эмблем русской сказки. Источником эсцерпирования является „Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. Первый. – М.: Гнозис, 2004, 318 с. (Авторы: Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В.) В основе представления единиц – алфавитный принцип. Акцент сделан на современное употребление имен-эмблем в коммуникации носителей русского языка. В фокусе внимания синхронно-функциональное воплощение культурной „доли значения” в языковую сущность, извлечение из образа его действительной культурной значимости, в чем и заключается суть лингвокультурологического анализа (Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004:9). В каталог входят прецедентные имена ключевых русских народных и авторских сказок, а также „бродячих” (универсальных) сказочных сюжетов.

I. Баба Яга – стереотипный образ лесной старухи-волшебницы. Образ многозначен – воительница, похитительница детей, пожирательница людей, но и помощница главного героя. Современное употребление для характеристики: 1) некрасивой, уродливой и злой женщины. Стоит только женщине прийти в политику, как она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Бабу Ягу. МК, 1996.2) Старой неприятной женщины, „старой ведьмы”.

II. Буратино – стереотипный образ. Современное употребление – для характеристики: 1) человека с длинным носом. Кристина Орбакайте – истинный Буратино. Один из самых аристократичных носов отечественной эстрады нашел свое применение, можно сказать и второе „я”... Новости, 2001; 2) худого, нескладного подростка. У подростков вообще походка буратинистая, деревянная, как у куклы. 3) человека, у которого есть деньги. В жизни „богатеньких Буратино” гораздо больше, чем в сказке... Зеркало недели, 2001).

III. Василиса Премудрая/Прекрасная – стереотипный образ. Современное употребление – для характеристики: 1) девушки/женщины, которая очень красива; при этом может подразумеваться сочетание красоты с умом. Коронная шутка: в сказках Иван-дурак всегда находит свою Василису Премудрую, в жизни же чаще Василисе Премудрая достается Иван-дурак. Газета „Пермский университет”, 1998.

IV. Витязь на распутье. Современное употребление – для характеристики человека, стоящего перед необходимостью выбора и испытующего при этом большие сомнения: Либеральный витязь на распутье: сначала лидер Либеральной партии Украины никак не мог определиться, с каким из суперблоков он намерен идти на выборы ... Версии, 2001.

V. Водяной. Современное употребление – для характеристики человека или другого живого существа, черты или образ жизни которого вызывает ассоциации с этим водным духом.

VI. Волшебная палочка. Современное употребление – для характеристики волшебного предмета. ПИ/ПВ: Палочка-выручалочка – о человеке (реже предмете или фразе), который приходит на помощь (на выручку) в сложной ситуации: Сережа Самойлов, палочка-выручалочка нашего отдела, с легкой руки Петра Петровича получил прозвище Сивка-Бурка. С. Максимова. Двое. Словно (будто, как, точно) по мановению волшебной палочки – неожиданно, очень быстро, магическим способом.

VII. Гадкий утенок – стереотипный образ. Современное употребление – для характеристики 1) человека (реже - предмета, организации и др.), пережившего чудесное перевоплощение. Гадкий утенок становится Лебедем. Здоровья, 2001.; 2) человека, оцененного ниже его достоинств (часто нескладного подростка). И пусть отец видит это. Может быть, хотя бы сейчас он поймет, что она не гадкий утенок десяти лет отроду. А. Маринина. Когда боги смеются.

VIII. Дед Мороз - стереотипный образ. Современное употребление – для характеристики человека при описании новогодней ситуации: 1) внешность которого напоминает этого персонажа; К тебе утром заходил твой знакомый с бородой, - сообщила она. С бородой? Дед Мороз, что ли? Ю. Пескова. Привет, красавица! 2) делающего неожиданные приятные подарки. Если ты будешь вести себя хорошо, Дед Мороз подарит тебе на Новый год велосипед (реч.)

IX. Домовой - стереотипный образ при описании ситуации или по ассоциации с внешностью персонажа.

X. Дуремар - стереотипный образ, употребляется для характеристики человека, внешне похожего на персонажа, синоним таких выражений, как „дуреха”, „недотепа”, „добродушно-бестолковое существо”.

XI. Дюймовочка - стереотипный образ, употребляется для характеристики миниатюрной, изящной девушки (женщины), которую, как правило, отличают доброта, беззащитность, скромность.... Николас на ходу перестроился и развел руки в стороны, готовый заключить Дюймовочку в объятия. Б. Акунин. Алтын-толобас.

XII. Дядька Черномор - стереотипный образ, употребляется: 1) для характеристики руководителя, наставника, „лидера команды”, которому приписываются опыт, воинственность, готовность дать отпор, амбиции победителя. Не расслабляться, не снижать концентрации до самого конца. Но затем и поставлен в команду главным тренером „дядька Черномор” – Наум Рашковский, который способен создать в команде великолепную обстановку. Joe Black. Хроника. 2001.; 2) при описании внешности человека, которая напоминает внешность этого персонажа (он немолод, у него большая окладистая борода; наделен силой; носит традиционные для русских богатырей шлем и кольчугу).

XIII. Жар-птица – символ счастья, трудно достижимой мечты; стереотипный

образ, к которому обращаются, когда: 1) говорят о необыкновенной удаче, о большом счастье. Они собирают группу „Каома”. И удача словно жар-птица плещется вих руках. МК, 2001.

XIV. Живая вода - стереотипный образ; современные русские могут назвать живой водой любой напиток или источник, который исцеляет, прибавляет силы (как физические, так и душевные), делает человека бодрым и здоровым. Действительно, источников, питающих национализм много. И они разные. Они могут быть светлыми – живая вода – из чистых глубин патриотизма. И мутными – это мертвая вода... Евразийский вестник, 2001.

XV. Змей Горыныч – воплощает илы, враждебные Руси (Св. Георгий – покровитель России, поражающий змея, один из наиболее распространенных сюжетов русской иконописи и геральдики). Стереотипный образ, который употребляется для характеристики человека: Картина В. Васнецова. Бой Добрыни Никитича с Семиглавым Змеем Горынычем.

XVI. Золотая рыбка - стереотипный образ, употребляется для характеристики: 1) человека, способного или обещающего выполнять самые невероятные желания; 2) ситуации, в которой удача и/или счастье пришли неожиданным образом (реже – ситуации). И он сказал себе, что если у Миши с Ириной что-то не сложится, вот тогда ... А коль так, то напрасно Мишка самонадеянно считает, что поймал золотую рыбку раз и навсегда. А. Маринина. Когда боги смеются.

XVII. Золотой ключик – волшебный предмет, стереотипный образ, к которому современные русские обращаются для характеристики ситуации, когда говорят о некоем чудесном решении какой-либо проблемы. Про Золотой ключик к российской экономике вспомнили поздно. Время МН, 1999.

XVIII. Золушка - стереотипный образ, может употребляться для характеристики человека (реже – какого-либо явления). Современные обращения к этому персонажу при описании: 1) женщины (девушки), занимающейся тяжелым трудом, за который она не получает ничего; при этом те, на кого она работает не ценят ее достоинства; С утра до ночи трудилась она, словно Золушка, получая за свою работу нищенскую зарплату. АиФ, 1998. 2) нелюбимого ребенка в семье, подвергающегося обидам и унижениям; Обиравая всеми, не получающая необходимых инвестиций, угольная отрасль оказалась Золушкой российской экономики. НГ, 1999. 3) бедной и скромной женщины (девушки), связавшей свою судьбу с богатым и известным человеком; Простая учительница из Перми познакомилась на курорте с французским миллионером. Возвращаясь домой, предусмотрительная Золушка оставила прекрасному принцу свой адрес. Так и по сей день летают – он в Россию, она во Францию. МК, 1998. 4) человека, судьба которого или он сам резко изменились счастливым образом. Заранее отозвавшись на трудную судьбу Таниной подруги, она не была готова вместо золушки-замарашки увидеть нарядную красотку с подведенными глазами во всей притягательности светлой славянской красоты. Л. Улицкая. Сонечка.

XIX. Иван-Дурак/Иванушка-Дурачок – выступает как собирательный образ бытовой сказки, отражающий специфические представления о типичном национальном положительном герое. С одной стороны, он связан с „карнавальным” началом, а, с другой стороны, алогичность действий его, „отсутствие” ума напоминают характеристики юродивых, часто обладающих даром проникновения – явления, получившего особое развитие в русской духовной традиции. Современные русские могут назвать Иваном-Дураком недотепу, простака, поступки которого кажутся странными и нелепыми с точки зрения здравого смысла или принятых норм поведения. Муж ее – настоящий Иванушка-Дурачок. Чудноватый какой-то да непутевый. Весь дом на ней держится. С. Максимова. Двое.

XX. Иван-Царевич/Иван-Королевич – собирательный идеализированный мужской образ, эталон главного героя как такового.

XXI. Избушка на курьих ножках – волшебный предмет, стереотипный образ, употребляется для характеристики жилья: 1) маленький, небогатый, незатейливый простой домик; 2) оригинальное современное строение, основание которого находится не на земле, а приподнято над поверхностью на сваях.

XXII. Илья Муромец – наиболее популярный образ киевского цикла былин, выступает как стереотипный образ, может употребляться для характеристики человека сильного (не только физически), способного совершить то, что другим не под силу, бесстрашно борется за правое дело и сражается с врагами Родины.

XXIII. Карабас-Барабас – главный отрицательный герой сказки А. Н. Толстого „золотой ключик или Приключения Буратино”. Выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики человека властного, безжалостного, который угнетает слабых и демонстрирует пренебрежение к ним.

XXIV. Кашей/Кошей Бессмертный – выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики человека (реже – животного): 1) очень худого; 2) неуязвимо, остающегося в живых даже в тех случаях, когда смерть, казалось бы, неизбежна; 3) ПВ Кашеева/Кошеева смерть – нечто хорошо спрятанное, скрытое от посторонних глаз. Уродство заметно. Но как выразить талант, если он спрятан как Кошеева смерть. В. Токарева. Все нормально, все хорошо.

XXV. Кикимора – жительница болот; маленькая, скрюченная немолодая женщина или старушка; неопрятная, уродливая, растрепанная, худая и остроносая, неряшливая, в лохмотьях; выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики человека, предмета или ситуации. Современные русские могут называть кикиморой: 1) неопрятную, некрасивую, худую женщину, способную на мелкие пакости (универсальное оскорбление по отношению к женщине немолодой и некрасивой); 2) при описании появившегося и/или пугающего и не слишком приятного объекта (предмета, человека, чувства).

XXVI. Ковер-Самолет – волшебный предмет русских сказок.

XXVII. Колобок – толстяк маленького роста, живой и подвижный. Выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики: 1) полного человека



невысокого роста; 2) хитрого и ловкого человека (группы лиц, объединенных общим делом), умеющего найти выход из сложного положения, всех обмануть. „Роснефть” напоминает Колобка, который „от бабушки и от дедушки ушел”; продать эту компанию не удалось ни Чубайсу, ни Черномырдину, ни Кириенко. МК, 1996.

XXVIII. Леший – один из древнейших русских мифологических персонажей. Выступает как стереотипный образ, употребляется для характеристики человека или при описании ситуации. Современные обращения к образу при характеристике: 1) замкнутого, угрюмого, нелюдимого человека с бородой, живущего одиноко; 2) человека, во внешнем облике которого обнаруживается сходство с персонажем. В современном русском языке есть целый ряд ПВ, связанный с ним.

XXIX. Лиса Алиса и Кот Базилио – мелкие мошенники, выманивающие деньги у наивных простаков и пытающиеся обмануть даже друг друга; „фальшивые” нищие. Выступают как стереотипные образы, которые могут употребляться для характеристики человека – при описании аферистов и их деятельности.

XXX. Мальвина – аккуратная красивая девочка (девушка) с кукольным личиком и голубыми волосами. Современные русские могут называть Мальвиной: 1) девочку (девушку) с кукольной красотой, как правило, блондинку; 2) девушку (женщину) с неестественным цветом волос, например, голубым.

XXXI. Мальчик-с-Пальчик – главный герой одноименной сказки французского писателя Ш. Перро. Выступает как стереотипный образ, который может употребляться для характеристики человека маленького роста; при этом может подразумеваться, что он находчив и смел.

XXXII. Меч-Кладенец – волшебный предмет, чудесное оружие положительного героя, которое обеспечивает победу над врагами. Чтобы добыть его герой должен приложить усилия и преодолеть множество препятствий.

XXXIII. Молодильные яблоки – волшебный предмет, чудесные яблоки, которые обладают магическим свойством возвращать молодость.

XXXIV. Папа Карло – бедный шарманщик, изготовивший из полена живую деревянную куклу – мальчика Буратино, которого стал воспитывать как собственного сына. Добрый, честный человек, который, несмотря на трудолюбие, живет в бедности. Выступает как стереотипный образ, который может употребляться для характеристики человека, который изготавливает куклы и имеет с ними дело. Как папа Карло (работать, пахать, делать что-либо) – много и интенсивно работать, до усталости или изнеможения; за свой труд должного материального (или морального) вознаграждения не получает или его труд оказывается напрасным.

xxxv. Принцесса на горошине – героиня одноименной сказки датского писателя Г. - К. Андерсена. Выступает как стереотипный образ, который может употребляться для характеристики человека. Современные русские могут называть Принцессой на горошине девушку (женщину, ребенка, реже – мужчину), которая слишком изнеженна, любит комфорт, возможно, капризна и трудом переносит бытовые неудобства.

XXXVI. Русалка – один из древнейших русских мифологических персонажей. Русалками становятся молодые девушки, умершие неестественной смертью, как правило, утонувшие, а также некрещенные дети. Ее образ связан одновременно с водой и растительностью, сочетает черты водных духов и карнаваловых персонажей ( напр.: Костромы), воплощающих плодородие, смерть которых гарантировала богатый урожай. Является злым, вредоносным женским духом. Встреча с ней опасна и почти всегда приводит к гибели. Выступает как стереотипный образ, который может употребляться для характеристики человека или упоминаться при описании ситуации. Современные обращения к этому образу для характеристики: 1) молодой, красивой девушки (женщины) с длинными распущенными светлыми волосами, с бледной кожей; 2) девушки (женщины), которая хорошо плавает и/или не хочет выходить из воды на берег, так как ей нравится долго находиться в озере, реке, море; 3) девушки (женщины), поведение которой напоминает поведение Русалки: напр.: она пытается привлечь внимание мужчин, кокетничая и флиртуя с ним; 4) духа воды в женском обличье.

XXXVII. Садко – один из наиболее популярных персонажей русского фольклора. Выступает как стереотипный образ – олицетворение народной, типично русской мужской красоты: высокий, стройный, светловолосый, с аккуратной густой бородой, богатый купец, замечательный певец и музыкант-гуслиар.

XXXVIII. Сапоги-Скороходы – волшебный предмет, стереотипный образ, упоминается при описании ситуации. Проник в русский фольклор из западноевропейской культуры. Надев их, человек может быстро перемещаться, преодолевая за короткое время оромное расстояние. Современные интерпретации при описании высокой скорости перемещения кого-/чего-либо в пространстве (множество кино- и телеэкранизаций).

XXXIX. Сивка-Бурка – современные русские могут обращаться к этому образу при характеристике человека, готового прийти на помощь по первому зову и решить возникшие проблемы.

XL. Скатерть-Самобранка – чудесная скатерть, с помощью которой герой может в любое время утолить голод и жажду, не прилагая никаких усилий. Волшебный предмет; выступает как стереотипный образ, употребляющийся для характеристики предмета или при описании ситуации, когда говорят об обильном угощении.

XLI. Снежная королева – героиня сказки Г.-К. Андерсена, властительница снежного королевства, повелительница зимних стихий, которая похитила мальчика Кая и с помощью своих ледяных поцелуев превратила его сердце в кусочек льда, из-за чего Кай забыл свой дом, родных и близких. Выступает как стереотипный образ употребляющийся для характеристики человека или при описании ситуации. Современные русские могут обращаться к этому образу: 1) при характеристике женщины холодной, не проявляющей своих эмоций, неприступной, красивой и,

возможно, высокомерной; 2) при описании ситуации, в которой говорится о холоде, замораживании, замерзании, оледенении в прямом и переносном значении.

XLII. Соловей-Разбойник – антропоморфное (человекоподобное) чудовище, злобное существо, живущее в гнезде на двенадцати (или трех) дубах и убивающее людей своим страшным свистом, обладает азиатскими чертами лица. Имя его, вероятно, связано звуковым сходством (при чтении справа налево) с именем восточнославянского бога Велеса (Волоса), один из наиболее популярных восточнославянских мифологических персонажей. Выступает как стереотипный образ.

XLIII. Спящая красавица / царевна – героиня европейских волшебных сказок. В русской традиции восходит к сказке А. С. Пушкина „Сказка о мертвой царевне и семи богатырях”. Выступает как стереотипный образ при характеристике человека. Современные обращения к ее образу при характеристике: 1) человека, который спит, при этом может подразумеваться, что он спит долго и/или крепко или любит спать; 2) женщины (девушки), движения которой излишне медлительны.

XLIV. Стойкий оловянный солдатик – главный герой одноименной сказки Г.-К. Андерсена. Выступает как стереотипный образ и употребляется при характеристике человека, предмета или ситуации. Современные интерпретации при характеристике: 1) человека, постоянно находящегося на своем „боевом” посту; 2) человека, стоящего по стойке „смирно”, при том предполагается, что он не склоняет голову ни перед какими опасностями; 3) предмета или ситуации, которые остаются стабильными, несмотря на неблагоприятные обстоятельства.

XLV. Чудо-Юдо – входит в число мифологических образов, не предстает как стереотипный образ, может употребляться при характеристике предмета или явления. Современные обращения, когда говорят о ком-либо или чем-либо необычном, странном, о каком-то чуде или необыкновенно огромной рыбе.

XLVI. Шапка-Невидимка – волшебный предмет, который не входит в число исконно русских атрибутов волшебных сказок; проникла с Востока, характерна для авторских произведений („Руслан и Людмила” А. С. Пушкина) и современных интерпретаций сказок (кино-и телевизионных экранизаций). Предстает как стереотипный образ и может употребляться при описании ситуации, когда кто-либо волшебным образом исчезает или становится невидимым..

#### **Возможные вопросы на уроке РКИ:**

1. Назовите героев русских сказок. Вспомните сказки, в которых они встречаются.

2. Как вы думаете, какие из этих героев положительные, а какие отрицательные?

3. Опишите внешность и назовите черты характера Кикиморы, Бабы-Яги, Кошцея Бессмертного, Лешего...

4. Как вы думаете, какого человека русские могут назвать Кошчем Бессмертным (вспомните его внешность), Лешим (вспомните его внешность, черты характера, места обитания).

5. Как вы думаете, кого русские могут назвать Кикиморой, Бабой-Ягой?

6. Опишите внешность и назовите черт характера Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной. Как вы думаете, кого русские могут так назвать?

7. Как вы думаете, как можно перевести следующий анекдот на болгарский язык: „Иван-царевич на следующий день после свадьбы просит у Василисы Прекрасной деньги на пиво. Василиса не дает. – „Как жабой была, так жабой и осталась!...”?

**Выводы:**

1) К особенностям сказочного культурного пространства можно отнести тесную связь с миром идеального, элементами язычества, специфику временных и пространственных отношений, связь красоты, добра, зла, истины, фольклорную мораль.

2) Национально-художественный образ мира, в котором разворачиваются сказочные сюжеты, в словесном плане опирается на прецедентные единицы, среди которых отчетливо выделяются прецедентные имена.

3) Русское культурное пространство в отношении составляющих его сказочных прецедентных единиц, содержит представление о духах, бестиариях и артефактах.

4) Использование сказочных прецедентных имен за пределами сказки опирается на рефрейминг и чаще всего направлено на придание речи комического эффекта.

5) Каталог сказочных прецедентных имен является частью минимума прецедентных единиц, подлежащего включению в обучение русскому языку как иностранному как обязательная составляющая лингвокультурологических учебных модулей.

**ЛИТЕРАТУРА**

Бурвилова, Надежда, Костомаров, Виталий. (2006). *Жизнь в мимолетных мелочах*. Санкт-Петербург: Златоуст.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. (2004). *Лингвокультурологический словарь*. Вып. Первый. – Москва: Гнозис.

Воробьев, Владимир. (2008). *Лингвокультурология*. Москва: РУДН. .

Гудков, Дмитрий. (2003). *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: Гнозис.

Захаренко, И.В. (1997) Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте. (с. 92-99). В: *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*: Сб. ст. Москва.

Захаренко, И. В. (1997). К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов. В: *Язык, сознание, коммуникация*. Вып.1. 104-113. Москва.

Караулов, Юрий. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука.

- Костомаров, Виталий, Бурвицова, Надежда. (1994). *Как тексты становятся прецедентными*. Русский язык за рубежом, 1-2, с. 73-76 М.
- Костомаров, Виталий, Бурвицова Надежда. (2001). *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. Санкт-Петербург.
- Красных, Виктория. (2002). *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. Москва: ИТДГК"Гнозис".
- Красных, Виктория. (2003). „Свой” среди „чужих”: миф или реальность? Москва: ИТДГК"Гнозис".
- Маркина Н. А., Прохоров Ю. Е. (2004). *Мы родом из сказки. Учебное пособие для иностранных студентов-филологов*. Санкт-Петербург: Злагоуст.
- Селиванова С. И. (1993). *Обучение пониманию художественных произведений с учетом национальной культуры учащихся (на материале русских сказок)*. Канд. дисс. М.
- Славова, Маргарита. (2004). *Украинската фолклорна приказка в български литературен контекст. Юбилеен славистичен сборник*. Благоевград.
- Степанов, Юрий. (1997). *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Школа „Языки русской культуры”.
- Татарина, Наталия. (2005). *Логоэпистемы русских народных сказок в коммуникативном пространстве носителей русского языка*. Москва.
- Телия, Вероника. (1996). *Русская фразеология (Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты)*. Москва.
- Прохоров, Юрий. (1997/2003). *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва: Икар, 1997. Москва: УРСС.

## ON RUSSIAN TALE PRECEDENTS

**Abstract.** The paper is devoted to Russian tale precedents as representative cultural emblems of Russian national mentality and their reinterpretation in the modern Russian language discourse. The focus is put on the ethnic and cultural specifics of the tale key names in the national mindset. Special attention is paid to their use as a possible means in the development of intercultural and linguistic competence in the entire process of teaching Russian as a foreign Language Training.

**Чернева Надя**

✉ Кандидат филологических наук  
Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского  
Директор Центра русского языка и культуры  
Email: cherneva@uni-plovdiv.bg